

Ян Цяо, услышав это, кивнул:

— Добавь и этот пункт в условия проверки. Это очень важно.

Лю Сюнь с радостью прищурил глаза. Ян Цяо посмотрел на него:

— В последнее время погода стала холоднее, так что не бегай так часто в Столичную управу. Если будут какие-то новости, я поручу Цин Сю передать их Дэдэру.

Вспомнив, как Цин Сю однажды сказал, что не понимает, как можно назвать человека Дэдэром, словно лошадь, которая скачет «дэ-дэ-дэ», Ян Цяо пересказал это Лю Сюню.

Лю Сюнь ответил:

— Не стоит удивляться. Дэдэр тоже говорил мне об этом. Это как «красный рукав добавляет благовония», но тут назвали «зелёный рукав». Зелёный рукав добавляет благовония — сразу видно, что это не настоящий слуга.

Имя Дэдэра придумал Лю Сюнь, а имя Цин Сю — Ян Цяо. Теперь оба выглядели недовольными, обменялись взглядами и молча принялись есть мясо, решив, что на этом тема закрыта.

На улице они поели горячего мясного блюда и, согревшись, вернулись домой. Лю Сюнь сел на кровать, скрестив ноги, и начал разговаривать с госпожой Цяо. Та, войдя, сначала потрогала его ладони, убедившись, что они тёплые, и только тогда успокоилась:

— Дома есть всё, что душе угодно. Зачем в такой мороз ходить куда-то есть?

— Это же друзья, — ответил Лю Сюнь.

— Друзей можно и домой пригласить, — сказала госпожа Цяо.

В детстве у Лю Сюня было несколько друзей, но после того, как он углубился в учёбу, они отдалились. Теперь, видя, что у сына появились новые друзья, она была рада:

— Теперь мы живём отдельно, можешь приглашать кого хочешь.

— Через несколько дней я поговорю с ним, — сказал Лю Сюнь. — Он очень занят, может, у него не будет времени. Да и боюсь, что ему будет неловко. Это мой первый такой друг, нельзя его обидеть.

— Это помощник столичного градоначальника, Ян Цяо? — спросила госпожа Цяо.

Через мгновение она погладила Лю Сюня по голове:

— Ты в последнее время слишком часто ходишь в Столичную управу. Мама волнуется, это не самое хорошее место. Говорят, помощник градоначальника живёт прямо перед тюрьмой. Сколько же там злых духов? Ты в детстве так боялся таких вещей.

Лю Сюнь смутился:

— Странно, но с Ян Цяо я не боюсь. Может, потому что он выглядит таким справедливым.

— Сюнь, ты обещал дедушке, — сказала госпожа Цяо.

— Я берегу себя, не подвергаю себя опасности, — ответил Лю Сюнь. — И исправно выполняю свои обязанности. Начальник всегда отправляет меня в Императорскую академию, хоть мне и не хочется, но я иду. В служебных делах нельзя быть своевольным.

— Столичная управа всегда занимается разбирательствами и смертями. Это опасно, — сказала госпожа Цяо.

Лю Сюнь упал на колени матери:

— Если бы я навсегда остался десятилетним, всегда жил под твоей защитой.

— Мама не хочет ограничивать твою свободу, — сказала госпожа Цяо, ласково погладив его по голове. — Ладно, делай, что хочешь. Мама всегда хочет, чтобы ты был счастлив.

Лю Сюнь повернул голову:

— Сын тоже не хочет, чтобы мама волновалась.

Через полчаса в кабинете Лю Ляна он уже не был таким сдержанным, прыгал и кричал:

— Отец, больше не могу в Академии Ханьлинь! Постоянно в Императорскую академию, постоянно в Императорскую академию! Старший брат уже две недели болеет, а все думают, что я хвастаюсь.

— Его болезнь к тебе какое отношение имеет? — Лю Лян пил чай. — Знаешь, что ты не хвастаешься, и ладно. Тебе какое дело до чужого мнения?

— Отец! — сказал Лю Сюнь. — А ещё тесть старшего брата, он всегда смотрит на меня с неодобрением и подстрекает других, чтобы мне досаждали. Чтобы не опозориться, я трачу кучу сил.

— Так куда ты хочешь? — спросил Лю Лян. — В Министерство церемоний?

— Не-е-ет, — возразил Лю Сюнь. — Не хочу так рано на пенсию.

— Тогда иди ко мне, — предложил Лю Лян.

— Если уж в Министерство церемоний, то я хотя бы смогу спокойно жить, — сказал Лю Сюнь.

— Так куда же ты хочешь? — спросил Лю Лян. — Министерство чиновников, Министерство финансов — я не могу тебе помочь. Министерство наказаний, Военное министерство — слишком сурово. Министерство работ — и тяжело, и глупо. Министерство церемоний тебе не нравится.

— Министерство наказаний неплохо, — сказал Лю Сюнь.

— Даже не думай, — отрезал Лю Лян. — Там одни преступники, это неблагоприятно.

— Тогда Столичная управа, — сказал Лю Сюнь. — Там разбираются с мелочами на улицах Шэньду, и легко, и неопасно.

Лю Лян посмотрел на него несколько раз:

— Ладно, я подумаю, как бы сделать так, чтобы ректор Императорской академии ушёл на

пенсию. Он уже в подходящем возрасте.

— Отец! — Лю Сюнь схватил Лю Ляна за руку. — Ты всегда был добр ко мне.

— Столичная управа так интересна? — спросил Лю Лян.

Лю Сюнь кивнул, уголки его губ поднялись в улыбке:

— Интересна.

— Мама будет не рада, — сказал Лю Лян.

— Отец, сделай так, чтобы мама была рада, — попросил Лю Сюнь. — Князь У часто бывает в Императорской академии, хоть всё и открыто, но слухи всё равно страшны.

Вечером, перед сном, Лю Лян сказал госпоже Цяо, что сын хочет перейти в Столичную управу. Та на мгновение задумалась, а затем с улыбкой сказала:

— Надо было догадаться, раз он так часто туда ходит. Он никогда не был таким активным.

— Так согласны? — спросил Лю Лян, наблюдая за её реакцией.

— А что делать, если не согласиться? Дети уже выросли, — сказала госпожа Цяо. — Подождём до следующего года, в конце года в Столичной управе слишком много дел.

В тёмной комнате, после шума и тяжёлого дыхания, мужчина обнял мягкое и тёплое тело:

— Новый начальник Столичной управы слишком усердный, проверяет всё тщательно. Скоро Новый год, пора возвращаться в родную деревню.

— Чего ты боишься? Убил одного — уже окупил всё. Ты подумай, сколько ты уже убил, — сказал женский голос, лёгкий и соблазнительный, как звон колокольчика на ветру, полный игривости и искушения.

Могли свободно перемещаться по столице и близлежащим деревням, не вызывая подозрений, только мелкие торговцы и разносчики. Каждые два человека проверяли одну улицу за другой. Юй Тун спросил, не слишком ли это беспокоит народ.

— Не слишком, — сказал Ян Цяо. — Это просто проверка перед концом года. В конце года всегда много мелких краж. Хотя мы пока не нашли главного преступника, но и другие дела не оставили без внимания, поймали много мошенников и посадили их в тюрьму. Выпустим после праздника фонарей, чтобы братья в тюрьме могли немного подзаработать на Новый год.

— Такой человек, с таким благородным видом, но так хорошо разбирается в подноготной, словно не год, а много лет на службе, — с восхищением сказал Юй Тун.

— Все мы люди, всем нелегко, — сказал Ян Цяо. — Если не поймает преступника, надеюсь, что он больше не совершит преступлений до конца года.

— Господин, в переулке Сихулу случилось происшествие. Один мясник во время проверки внезапно взбесился, схватил нож для разделки свиней, ранил стражника и побежал на север, по пути ранив ещё нескольких женщин, — срочно доложил Чжан Лин.

Услышав о происшествии, Ян Цяо уже встал, а закончив слушать, уже закатал рукава и пошёл

к выходу:

— Собери всех стражников там, обязательно поймайте его. Изолируйте толпу, прикажите закрыть двери и окна, чтобы избежать новых жертв.

— Юй Тун, иди в Управление стражи пяти округов за помощью. Пусть даже будет стыдно, но нельзя позволить преступнику ранить ещё кого-то, — быстро сказал Ян Цяо.

В Столичной управе были стражники, но они не были сильны. В случае серьёзных происшествий в Шэньду всегда полагались на Управление стражи пяти округов.

Добравшись до переулка Сихулу, он увидел, что там уже кипит шум. Люди толпились снаружи, обсуждая происшествие, на земле лежали раненые, стонали, кровь текла рекой. Ян Цяо крикнул старосте, чтобы тот отправил раненых в больницу, и велел ему не пускать больше людей в переулке. Сам он пошёл дальше. Выйдя в спешке, он не надел тёплую одежду, и его тонкий хлопковый халат казался совсем неподходящим для такой погоды. К тому же пошёл снег.

Идя дальше, Ян Цяо видел всё больше раненых, в основном женщин и детей. Глаза его становились всё холоднее. Дойдя до конца переулка, он увидел четырёх стражников, окруживших угол. У Цянь Саня была ранена рука, кровь застыла на одежде, он держал меч и кричал в угол:

— Чжу Лаосань, брось нож, тебе не убежать. Брось нож, и в тюрьме с тобой обойдутся мягче.

Ян Цяо заглянул внутрь. Мясник по имени Чжу Лаосань держал в руках девушку, которая плакала так, что казалось, она вот-вот потеряет сознание. Её держали под угрозой ножа, и она боялась пошевелиться. Чжу Лаосань был ростом в пять чи, крепкий и плотный, но его лицо не выглядело жестоким. Однако сейчас его глаза были полны безумия:

— Я уже окупил всё, сволочи! Давайте все, убейте меня, я убью ещё одного, и мне будет выгодно.

Ян Цяо раздвинул стражников и вошёл внутрь:

— Господин Ян, нельзя, у мясника сила, как у быка, — с тревогой сказал стражник.

Но Ян Цяо спокойно пошёл вперёд.

Чжу Лаосань направил нож на Ян Цяо:

— Ты зачем пришёл? Не подходи.

Ян Цяо развёл руки в стороны:

— Я безоружен, чего ты боишься?

[В тёмной комнате...] — Этот абзац является авторским отступлением, описывающим сцену с неизвестными персонажами, возможно, связанными с преступником или его сообщником. Он служит намёком на продолжение сюжета.